

ПРИЗЫВНО светится окошко театральной кассы. Но почему все меньше и меньше Николаевцев приходит на этот свет? Почему на третий день после открытия сезона в русском драматическом театре имени В. П. Чкалова зрительный зал был трагически пуст? А уж как вроде бы стараются наши театры завлечь зрителей. Тут тебе и печальной памяти абонементы, и так называемые организованные культпоходы, и спектакли на все вкусы от высоких до низменных. А театральный кассир все равно скучает в бездействии.

Среди работников театра имени Чкалова родилось и уже обрывает комом утверждение: «Николаев петеатральный город». И приводится тому доказательство: «Прошли в Кишиневе, Минске». Как золотое времячко вспоминается «одесский перепод» в жизни театра во время нынешних летних гастролей. Опровергнуть это, мягко выражаясь, легкомысленное, а точнее, оскорбительное для Николаевцев утверждение легче легкого. Стоит только напомнить о том, как светился, откликался на каждое, даже едва уловимое движение дирижерской палочки «петеатральный» зритель во время недавнего приезда в Николаев Одесского оперного театра, как полюбили Николаевцы коллектив театра имени М. Зальковской. Наконец, те, кто помнит Николаев 10—12 лет назад, никак не согласятся, что живут в петеатральном городе.

Но не для того, чтобы опровергать это нелепое утверждение, пишем мы эти строки. Доказывать, что петеатральность — это свидетельство плохой работы самого театра и недостаточной его пропаганды, что фатально петеатральных городов не существует — нецелесообразно. Это неоспоримый факт. Задачу мы поставили перед собой другую. Сказать о тех составных, по причине которых пустуют зрительные залы наших театров, подумать вслух над тем, как возродить театрам былого заинтересованного, требовательного, постоянного и дружелюбного зрителя? Как вернуть нашим театрам высокое имя храма искусства, а зрителям — настоятельную потребность сверять в них свои мысли и чувства, идти сюда за советом, помощью, благородством, ответами на свои вопросы, за новым знанием и теми возвышенными, прекрасными порывами души, которые творит искусство.

Не все из этих составных мы назовем. И это не улучшение. Не перечислить их главное, а знать, зачем же искрой действенной любви к театру. А загорается эта искра в тот, иной раз мимолетный, случайный и в то же время закономерный миг у театральной афиши. Репертуар — контуры портрета театра. Зримины они становятся при свете рампы. И только тогда программа театра станет программой зрителей, когда она взволнует их, когда найдут они в репертуарном списке отражение своих стремлений, надежд, помыслов, заряд социальной активности. Что волнует Николаевцев семидесятых годов? Обращались ли руководители театров, артисты с таким вопросом к корабелям и хлеборобам, машиностроителям и учителям, студентам и служащим учреждений, строителям и дорожникам, прежде чем составить репертуар на очередной сезон? Изучались ли всерьез запросы зрителей?

Нет, не изучались. Ни коллективами театров, ни местными социологами, ни работниками управлений культуры, ведающими этим участком. Для того, чтобы воспитывать публику, ее надо изучить. Иначе театральным коллективам трудно идти в ногу со временем. А ведь истинным воспитателем, трибуном и этого мало. Их задача быть впереди тех, кто шагает рядом, а иной раз и впереди своего времени.

Чкаловцы на этот счет могут похвастаться: «В прошлом сезоне мы провели 28 творческих встреч со зрителями и никакого результата». Но творческими ли были эти встречи? Может быть, их правильней назвать казенным словом «мероприятия»: вступительное слово режиссера или директора, отрывки из пьес, традиционное: «разрешите от имени... поблагодарить» и цитаты, кулисные на средства месткома профсоюза. А разговоры сердцем к сердцу, согласитесь, дорогие чкаловцы, в цехах, на полевых станах, в вузовских аудиториях, школах были не частыми. Их, вернее, вовсе не было.

А вот Омский драматический театр завоевал симпатии зрителей, кроме своих вдохновенных спектаклей, еще и таким искренним, требовательным содружеством со зрителем и прибавил этим себе значительную толпу творческого обаяния. И в Нижнем Тагиле серьезно призадумались над вопросом, кто же он, современный зритель, к чему стремится, чего хочет, с чего надо начинать его художественное воспитание. Наверное, уже не с того печального «Ограбления в полночь», который в том плане, в каком он был представлен чкаловцами художественному совету, был самым что ни есть вероломным попола-

жественный руководитель театра, А. Литко так и не нашел времени для того, чтобы передать свои знания, точку зрения, позаботиться о теоретическом, творческом багаже коллектива. Для чкаловцев это важно еще и потому, что в составе труппы — артисты разных творческих школ, а иные и вовсе без всяких школ. И эта разносторонность, «разноликольность» очень нуждается в единении, общем творческом знаменателе, к которому обыкновенно и ведет труппу главный режиссер. Он, как дирижер оркестра, обязан уметь извлечь все, что можно из инструмента и из души самого музыканта, артиста.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР?

веннем к ограблению духовного богатства Николаевцев.

По вот незадача. Иной раз даже пьесы отнюдь не только увеселительного плана, обретающая жизнь на сцене театра имени Чкалова, возбуждают утробный смех. Почему, например, решать серьезную насущную проблему верности земле, родительскому очагу создатели спектакля «Пока арба не перевернулась» (режиссер — постановщик А. Воронин) решили с помощью трусиков в горошек и в полосочку, ночных пижам и прочих спальных принадлежностей. Думается, как раз кстати вспомнить завет К. С. Станиславского: «Всю вашу жизнь ищите демаркационную линию, отделяющую плохое от хорошего в нашем искусстве». Великий законодатель сцены предостерегал служителей искусства от неразборчивости и беспринципности, которые неизбежно ведут театры к полному упадку.

А неразборчивость стала у нас непозволительно частой. «Ограбление в полночь», «Тогда в Севилье», «Странный доктор», «Шукаемо наречений», «Любовь по-американски» и другие подобные театральные безделушки не могут быть в активные спектаклей — воспитателей.

И то, что зрители не идут на глубокие, серьезные спектакли — следствие духовного упадка, нанесенного театральными поделками. Случайный, не отвечающий требованиям времени и возросшему интеллекту и культуре зрителей репертуар — серьезный камень преткновения на пути к зрителю. Но не только в нем загвоздка.

БЫВАЕТ, что «Вкус черепни» имеет совсем иной вкус в ином театре. Профессионалу этот вопрос кажется неуместным. Дело в квалификации, мастерстве, в режиссерском умении, степени профессиональной подготовленности труппы. И очень часто в умах и душах настоящих творцов казалось бы простейшие вещи приобретают высокое гражданское звучание, будят светлые мысли и чувства.

Тут и встает во весь гигантский рост значение политической и профессиональной учебы в творческих коллективах. Для каждого руководителя-художника это еще и возможность вырастить коллектив единомышленников, заложить идейную основу труппы, передать свою творческую концепцию, возлюбованность своим видением жизни. Недаром ведь все самобытные художники театра прошлого и настоящего — прежде всего педагоги. Напомним еще один завет великого теоретика и практика сцены: «Рост артиста — в непрерывном познании искусства, а падение — в его эксплуатации».

Об этом «беспрерывном познании» забыли в театре имени Чкалова. И забыл прежде всего сам главный режиссер театра А. Литко. Ни политической, ни профессиональной учебы здесь в прошлом театральном сезоне не было вовсе. Руководитель творческого семинара, он же худо-

Же не учиться — значит идти назад. Отсюда и сомнительная развлекательность отдельных спектаклей и беззащитная эксплуатация некоторыми актерами своих внешних данных вместо того, чтобы проникать в психологию персонажей, тот самый «публичный флирт», который отличал в прошлом плохих провинциальных актеров, стремление компилировать из увиденных где-то, вместо того, чтобы выстраивать свои спектакли, на своем материале, исходя из своих творческих возможностей.

Защитное: «Эта пьеса идет в Москве» — не может полностью защитить от пустого холодного зрительного зала в Николаеве. И само по себе похвальное стремление не отстать от Москвы в этой вариации выглядит платьем с чужого плеча.

Свое лицо, свой творческий почерк — вот постоянное стремление художника. А коль трудно обрести его самим, не стоит чураться помощи, приглашать режиссеров на постановки из лучших театров страны, мастеров сцены для участия в том или ином спектакле. Обновление уже само по себе таит притягательную силу. И те, кто действительно любит искусство в себе, не боятся серьезного творческого соперничества, смело идут на это.

Обыкновенно в театральные коллективы хорошо знают о том, что все без исключения работники театра являются сотворцами спектакля. Но вот почему-то бывает и падают спектакли с опозданием, и закулисная неорганизованность передается зрительному залу, и костюмы небрежны, и осветители излишне затемнили сцену, и у ведущего персонажа внутри не ожило слово и т. д. и т. п. Все это тоже ложится в основу зрительского приговора — неудачный спектакль.

А порой излишнее внимание к форме, желание спрятать идейную несостоятельность спектакля в броское, яркое оформление приводит к растранижированию средств и творческой энергии. Так случилось со спектаклем «Ограбление в полночь» (режиссер-постановщик А. Маликов). А ведь ветераны театра, опытные работники советовали заменить дорогостоящее оформление этого спектакля более экономичным. Но так и не прислушались руководители театра к их советам. Хотя всем известна старая истина, что никакие, самые блестящие декорации не способны прикрыть идейные просчеты, пошлость, как мы имели возможность убедиться на печальном факте «Ограбления в полночь».

Из этих и многих других нюансов и складывается моральная атмосфера в театре, которая либо способствует тому, чтобы «быть», либо тому, чтобы «не быть».

Но только ли к работникам театров относится наш вопрос: «Любите ли вы театр?». Нет, не только к ним.

ИСТОРИЯ театра знает примеры, когда не всегда была права публика. Есть та-

кие примеры и у нас. Во время гастролей театра имени Чкалова в Кишиневе в кассе была очередь. Увидевшие ее, случайно оказавшиеся в этот момент в фойе Кишиневского театра Николаевцы, разоткровенничались. «Это на наш-то театр? Да мы его и не смотрим!». Примерно такого же направления суждения той части зрителей, которая лучше пойдет второй раз лицезреть платье гастрوليрующей астрадией знаменитости, чем посмотрит свою «Солдатскую вдову». Иных привлекает в афише театра, приехавшего на гастроль, знакомые по кинофильмам имена, а вовсе не сами спектакли. Словом, все эти воззрения на уровне анекдота: «Хорошая жена. Вот если бы она еще была чужая». А ведь есть и у нас артисты, достойные хороших кинофильмов. И работают они даже при полупустых залах мастерски, сгорая в своем благородном желании светить другим. Они могли бы устроиться в других театрах. Но любовь к родному, пусть не очень удачливому театру, к вам, Николаевцы, не позволяет им дезертировать.

Видели ли вы, уважаемые зрители, Александра Сыромятникова в «Солдатской вдове», Григория Черемушова в «Майской ночи», Ростислава Гаврилко в «Памяти сердца», Аллу Квасенко в «Марии Стюарт», Ирину Сигину в спектакле «Звонок в пустую квартиру», Илону Троянову в «Амнистии», Зою Дормидонтову в «Докторе философии», Евгению Пусеп в «Варшавской мелодии», Ростислава Гинета в «Идиоте», Людмилу Гадзевич в «Марии», Людмилу Платонову в «Сказках старого Арбата», Анастасию Кузнецкую в «Сослуживцах»? и т. д. Если не видели, то посмотрите и убедитесь, что есть и нам кем гордиться, можно и в Николаеве «ходить на артиста».

Но это не единственное проявление порой неуважительного отношения некоторых Николаевцев к своим театрам. 3 ноября с. г. спектакль «Доктор философии» в украинском музыкально-драматическом театре смотрели работники Николаевского трикотажного объединения. Это была организованная публика. Но значительная часть ее, к сожалению, решила, что театр это и впрямь некое увеселительное заведение при благородном буфете. Бутылки после этого посещения в фойе театра остались так же много, как и окурков. Из зрительного зала дружинника пришлось под руки выводить вовсе не приверженцев театра. А когда одного из таких любителей спросили, сам ли он купил билет, он вместе с виновными парами выдохнул: «Фабком все оплатил...».

Любите ли вы театр? Любить его вовсе не так и легко. Чтобы любить театр по-настоящему, нужна культура духовная, тяга к прекрасному, и рождаются они не в театральном буфете. И не опускаться до уровня потребовательного зрителя суть этой любви, а поднимать его до вершин понимания настоящего искусства. Прививать эту любовь к театру в литовском городе Паневежисе начали со школы. В Николаеве тоже есть кому заняться этим благородным делом. Студенты и преподаватели институтов культуры, педагогического, кораблестроительного, учащиеся культпроспечучилища, музыкальных школ, работники общества «Знание», областной и городских библиотек — вот далеко не полный перечень учреждений культуры, которые имеют прямое отношение к пропаганде родных театров. Надо, чтобы в городе и в области с лекциями, рассказами, беседами об искусстве чаще выступали деятели искусства страны, артисты. Нам нужен клуб творческой интеллигенции, театральный кафе, зрительские конференции, диспуты, публичные обсуждения спектаклей, активное, а не формальное шефство над театрами ведущих промышленных предприятий, колхозов и совхозов и театральных коллективов над заводами и колхозами. Только все вместе мы можем создать благотворный духовный климат города корабельных мастеров.

Но только лекции, беседы об искусстве не наполнят сами зрительные залы. Реклама театров такая же броская, как в центре, должна быть в Лесках и на Водопое, в юго-восточной части города и в Ракетном Урочище, в Соляных и в Широкой Балке. К театрам должны вести маршруты автобусов и троллейбусов со всех концов города. Но главный маршрут к театрам Николаева лежит через умы и сердца Николаевцев.

А. ВИНОГРАДОВА.